

Ю. С. Сурнина

Сибирская академия управления и массовых коммуникаций
ул. Лебедевского, 1, Новосибирск, 630123, Россия
E-mail: jsurnina@yandex.ru

КОНТИНГЕНТНОСТЬ В ПРИРОДЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Демократия и общественный прогресс

На протяжении последних двухсот лет демократия считается одной из лучших форм общественного устройства. Приверженность этому строю предполагает, что политическая власть не должна находиться в наследственном владении одного человека, либо группы избранных лиц, либо экспертов. Главным принципом демократии всегда было самоуправление по всем вопросам, затрагивающим общую жизнь и интересы людей.

Существует и другая причина того, почему демократию можно считать прогрессивной формой государственного устройства. Демократия является как раз тем условием, при котором обеспечивается невозможность монополизации власти различными политическими группировками (элитами). При демократии узаконивается конкуренция в области идей, которая считается столь важной для поддержания свободы. Демократия создает условия для борьбы за власть и возможности оппозиции, а следовательно, и большую вероятность разоблачения бесчестности и коррупции, так как именно при демократии разоблачение лжи инициировано институционально. Требования честности в политике в современном обществе составляют неотъемлемую принадлежность законности, так как большинство избирателей хотят знать истину и вести себя в соответствии с этим знанием. Безусловно, большая часть из них знает, что у власть имущих или жаждущих власти всегда есть причины исказить истину, поэтому для обеспечения легитимности власти должны быть механизмы разо-

блачения бесчестности. Демократия потому и лучше известных альтернативных государственных устройств, что наделяет такие механизмы законным статусом, давая претендентам на политическое руководство стимулы к освещению темных пятен и к разоблачению конкурента.

В современном мире наличие демократии в качестве государственного устройства обеспечивает некую политическую легитимность, т. е. демократия гарантирует, что власть имущие в какой-либо стране готовы играть по тем же правилам, что и элита других развитых стран.

В наши дни никто открыто не противостоит демократии, провозглашаемой необходимым условием функционирования капиталистической экономики. На практике элита может быть привержена консерватизму, меритократизму, тоталитаризму и пр., и, публично признавая легитимность демократии, оспаривать то, что собственно означает демократия для их государств и какие институты ее обеспечивают.

В подавляющем большинстве политических теорий укоренилось убеждение в том, что общественному развитию свойственен прогресс. Эта почти банальная мысль тем не менее имеет важные следствия для понимания природы демократии, которую считают прямым результатом этого прогресса. Само по себе понятие прогресса требует значительного обоснования, но с точки зрения здравого смысла прогресс есть направление развития, для которого характерен переход от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному. О прогрессе можно говорить

применительно к системе в целом, а также к отдельным ее элементам, структуре и другим параметрам развивающегося объекта. Если мы будем говорить о том, что появление различных социальных и политических институтов в мировой истории соответствует принципу прогресса, то для многих исследователей такую цепочку замыкает демократия. В этой связи возникает много вопросов о природе этой последовательности.

В конце XVIII в. маркиз Жан-Антуан Кондорсе философ-просветитель и математик в своей работе «Эскизы исторической картины прогресса человеческого разума» предпринял попытку установить закономерности развития истории, ее основные этапы и движущие силы исторического процесса. Он выдвинул идею исторического прогресса, согласно которой поступательное движение истории объяснял безграничной возможностью развития человеческого разума как творца истории, а исторические эпохи – этапами развития человеческого разума.

Одна из наиболее часто употребляемых в политической философии трактовок прогресса принадлежит Гегелю. По мысли философа, развитие свойственно только человечеству, так как человеческая история есть высшая сфера, в которой развиваются духовное, мысль, познание. А вместе с этим и господствующий во вселенной абсолютный разум находит средства своего конкретного и сознательного воплощения в действительности, средства познания самого себя как вечной и неисчерпаемой силы совершенствования, прогресса и возникновения нового. При всем бесконечном разнообразии изменений, совершающихся в природе, в них обнаруживается лишь круговращение, которое вечно повторяется, и в этом нет ничего нового. Новое возникает лишь в изменениях, которые возникают в духовной сфере. Другими словами, всемирная история совершается исключительно в духовной сфере, где определяющую роль играют дух и ход его развития. Природу духа Гегель объясняет все тем же диалектическим методом: поскольку сущностью материи (антитезы духа) является тяжесть, постольку сущностью духа является свобода, и все его свойства соответственно определяются именно свободой, а следовательно, свобода является единственно истинным духом. «Дух, который знает себя в качестве свободного и желает себя как этот

свой предмет, т. е. имеет свою сущность своим определением и целью, – этот дух есть прежде всего разумная воля вообще...» [Гегель, 1977. С. 324]. Отсюда логически вытекает, что история есть процесс осознания свободы. Каждый народ и каждая эпоха в своем духовном принципе достигают в осознании свободы только определенной ограниченной ступени и поэтому должны передать эстафету осознания свободы последующим, более глубоко охватывающим истину народам и эпохам.

На смену идеалистическим представлениям мотивов истории Гегеля пришел диалектико-материалистический подход к рассмотрению проблемы прогресса. «Третий закон диалектики – закон отрицания отрицания раскрывает прогрессивный характер развития через отрицание существующего и возникновения нового, которое само со временем исчерпает себя и в свою очередь подвергнется отрицанию, уступая место более прогрессивному» [Введение в марксистское обществознание, 1989. С. 32]. Идея экономического базиса и идеологической надстройки, хотя и радикально меняет философию истории, тем не менее не отменяет самого понятия прогресса. В противостоянии марксистской и буржуазной идеологий на определенном этапе термины «буржуазная демократия» и «социалистическая демократия» с точки зрения понимания прогресса в какой-то степени были взаимозаменяемы.

Контингентность демократии и ее переописание

Интересно, что если «социалистическая демократия» понимается приверженцами Маркса как неизбежный итог общественного развития, то аналогичный ему термин «буржуазная демократия» претерпевает в ряде политических теорий значительные трансформации. Одна из таких трансформаций имеет место у Р. Рорти. Он полагает, что «буржуазная демократия» есть случайная удачная находка, и нет никакой закономерности в ее существовании. В силу того, что имеется масса политических режимов, для которых историческое развитие по Гегелю или даже по Марксу не имеет никакого смысла, попытка объяснения этого факта всякого рода историческими отклонениями не приводит к выявлению какой-то общей идеи.

Рорти полагал, что не существует таких «общечеловеческих» нравственных норм и ценностей, которые не были бы обусловлены всецело социальным контекстом, и что нет необходимости в постановке вопроса об объективном, нейтральном, внеисторическом критерии. Само по себе наличие тех или иных социальных и политических институтов определяется историческими случайностями. Нации, социальные и политические движения, религиозные институты не являются чем-то предопределенным свыше, их появление обусловлено историческим развитием страны на том или ином этапе. Скорее, их оценка на шкале прогресса есть результат сравнения с другими, худшими сообществами и институтами. Суть данного подхода сводится к тому, что моральная оправданность существующих институтов и деятельности отдельных групп (например, современного так называемого «среднего класса») – это прежде всего вопрос исторических описаний (включая и рассуждения о возможных сценариях будущего развития при различных условиях), а не философских исследований. Принципиальной опорой историографии является в этом смысле не философия, а искусство, которое служит развитию и трансформации представлений группы о самой себе: например, путем прославления своих героев и демонизации врагов, развития диалога между членами группы и привлечения их внимания к определенным проблемам.

При обсуждении природы демократии как политического института следует обратиться к тому, что называется «переописанием» истории. Постмодернистские концепции философии, начиная с Ницше, по сути отрицают объективную истину. С точки зрения истории это означает что интерпретации отводится главенствующее место, нежели факту. Фактура реальных событий становится «заложником» социально-политических и экономических обстоятельств, которые в свою очередь избираются исходя из прагматических целей.

Например, афинская демократия, так сказать, прообраз всех демократий, оценивается весьма по-разному, хотя никто не оспаривает пальму первенства Афин в изобретении представительной демократии. Как замечает А. Боннар: «Афины отнюдь не были первой демократией среди прочих греческих полисов: в Ионии она существовала до них. Но

Афины выдвинулись на первое место благодаря блеску этого великого города демократии, – демократии, устраивавшей самые пышные праздники для своего народа, самые великолепные представления трагедий и комедий, воздвигавшей самые дивные храмы и другие памятники для прославления афинского народа, прославившейся тем, как ее историки и философы доказывали и защищали права народа или на них нападали» [Боннар, 1995. С. 96].

Понятие демократии еще при рождении носило противоречивый характер, сохранившийся до наших дней. Тут мы можем обратиться к древним авторам: Аристотель писал, что при Перикле «государственный строй стал еще более демократичным», а «простой народ почувствовал свою мощь и старался уже все политические права сосредоточить в своих руках» (Аристотель. Афинская политика, X, 27, I) [Аристотель, 2005]. Иного мнения придерживался Фукидид: «По имени это была демократия, на деле власть принадлежала первому гражданину» (Фукидид. История, II, 65, 9) [Фукидид, 1981].

Одним из важнейших обстоятельств, подчеркивающих контингентность функционирования афинской демократии, было изобилие «героев», незаурядных личностей. Например, интересен яркий пример Перикла, который возглавил демократический лагерь и стал инициатором не только масштабных строительных работ и различных военных походов Афин, но и ряда важнейших социальных и политических реформ, которые в том числе позволили функционировать демократии (в том виде, который она имела в то время). Возникает наивный вопрос: что бы было, если бы этот легендарный персонаж не появился на исторической арене в то время? Получили ли демократические традиции такое же развитие? Можно ли вообще говорить о том, что вся цепочка этих событий была закономерна?

Избирательное право было одним из главных признаков афинской демократии, и это было результатом стремлений «античных демократов» не столько создать новые институты демократии, сколько придать уже действующим институтам более рациональный характер. Пытаясь понять, насколько современная демократия является преемственной античной демократии, можно предпринять усилия по ее переосмыслению в

современных терминах. Так, избирательное право подчиняется принципу «свой-чужой», поскольку при любом типе демократии мы имеем ограничения, цель которых – устранение «нежелательных» избирателей. Голосовать могли только граждане Афин, и уже тот же Перикл проводит закон, согласно которому гражданином Афин считается только тот, чьи мать и отец были афинянами. Здесь будет интересна параллель с нынешней избирательной ситуацией с «негражданами» в прибалтийских демократических республиках. При этом роль переосмысления нужна не для преодоления признания полной случайности установления тех или иных политических институтов, а для поиска, возможно, закономерностей, определенной рациональности, которые избавляют нас от потребности учитывать исторический контекст событий.

Конечно, сложно говорить о том, что рациональность существует в чистом виде по отношению к тем или иным понятиям. И применительно к демократии вряд ли можно говорить о том, что существующая процедура организации избирательного процесса посредством всенародного голосования несет в себе черты необходимости либо контингентности, так как существует масса причин, влияющих на эту процедуру. Например, это контроль организации процедуры голосования со стороны государства. В результате намерения субъектов нельзя соотнести ни с категорией необходимости, ни с категорией случайности. Таким образом, можно говорить о том, что рациональность демократии есть совмещение того и другого на сложном фоне практической деятельности субъектов, участников процесса и их намерений относительно друг друга.

Историческая необходимость и выборы

В понимании демократии в применении к ее институтам существует некоторого рода двойственность. С одной стороны, демократические выборы есть несомненное благо, которое можно понимать в прямом этическом смысле. В конце концов, понятие морального прогресса связано со все более расширяющимся благом для наибольшего числа индивидов.

Здесь можно обратиться к теории справедливости Джона Ролза, где дается пример

процедурной справедливости, которая возможна при равенстве участников, отсутствии у них скрытых мотивов, а также свободном доступе к обсуждению выдвигаемых принципов. По Ролзу, это демонстрируется при построении формальной модели сообщества рациональных и заинтересованных лишь в самих себе эгоистичных индивидов, вовлеченных в определенного рода деятельность, некие экономические отношения, которая в теориях рационального выбора получила название «торговой игры». Ролз описывает в торговую игру группы лиц, мотивы которых соответствуют приписываемым им теориями общественного договора. При этом им показывается, что единственным решением для такого рода игры является нахождение морального принципа, который непосредственно связан с моральными убеждениями индивидов и рациональностью.

Таким образом, в рамках схемы предложенной игры цель игроков – достижение полного согласия относительно тех принципов, которые должны служить критериями оценки общественных институтов. Каждый игрок имеет равное право предлагать любые принципы, исходя из собственного интереса, помня при этом, что все единодушно признанные принципы одинаково касаются всех и должны сохранять свое действие в дальнейшем. При этом подчеркивается, что выдвижение и принятие принципов происходит до того, как индивиды начинают решать конкретные проблемы своего существования, при условии, что действие принципов обязательно должно распространяться на будущее, а обстоятельства, в которых окажется тот или иной индивид, не известны. Тогда гарантируется, что принятые таким образом принципы будут честными.

С другой стороны, представительная демократия в историческом процессе приводит к ужасающим этическим результатам. Крайним примером последних является взятие власти национал-социалистической партией в Германии в начале 30-х гг. прошлого столетия и пришествие в качестве главы государства Гитлера. Поэтому возникает проблема внешней оценки для принятия решения относительно того, являются ли благом или нет свободные выборы как неперемный атрибут демократии. В этой связи возникает вопрос о том, существует ли какая-либо объективная характеристика, не затрагивающая

напрямую процедуру определения результатов выборов, и которая была бы им присуща независимо от исхода выборов? Если таких характеристик не существует, то где выход из этой ситуации? Ведь если результат благо, то мы считаем, что выборы и соответственно демократия есть проявление прогресса. Хотя, что есть благо, а что зло в этом контексте? Как это определить и всегда ли это возможно? Но при этом сам прогресс оценивается как нечто положительное, как результат свободного творения собственной истории субъектами. Если же исход выборов – зло, то мы это объясняем случайным набором обстоятельств, пытаясь спасти идею прогресса стечением тех же самых обстоятельств или же поисками каких-то глубинных тенденций. Возвращаясь к тому, что необходим какой-то внешний критерий, можно спросить, а на основании чего делаются такие выводы?

Можно предположить, что есть такая характеристика демократических выборов, которая свойственна любым их оценкам. Вряд ли кто-либо будет отрицать, что так называемые элиты общества в какой-то степени манипулируют выборами и в этом смысле являются (среди других факторов) неустранимой составной частью демократического института общества. Больше того, можно сказать, что «качество» элиты есть критерий подлинности демократии, если мы имеем дело с демократией, а не ее имитацией. При этом, если процесс формирования элиты случаен и расплывчат, сложно говорить о подлинной представительной демократии.

Интересно, что случайность процесса, определяющего тот или иной выбор, связанный с принятием политического решения, подтверждается и для процесса формирования элиты, которая принимает в этом процессе самое непосредственное участие. О. Крыштановская отмечает, что одним из факторов, который характеризует попадание в политическую элиту России, является неопределенность требований, предъявляемых к кандидату [Крыштановская, 2005. С. 101]. Требования к кандидатам в элиту нигде не оглашаются, нет такого образования, получив которое кандидат может рассчитывать на гарантированное вхождение в элиту. Не существует умений или навыков, овладев которыми можно быть уверенным в том, что ты станешь членом элиты. Связи и случай в настоящее время решают больше, чем интел-

лект, знания и умения. Элита сама выбирает, кого «впустить», а кого нет, и исключение составляют лишь выборы, которые хотя бы теоретически являются входной дверью для всех желающих. Но и здесь мы видим быстрое изменение хода событий. Например, эта «дверь», распахнувшаяся в начале 90-х гг. прошлого века в России, оставляет все более узкую щель для попадания в круги, по-настоящему определяющие политическую обстановку в стране.

Таким образом, элита формирует некие правила игры, в том числе и правила, по которым проходят выборы, хотя сама при этом формируется практически случайно. Получается, что случайное формирование когорты лиц, принимающих решения, может повлиять на политический процесс, а значит, на те обстоятельства, которые обусловят в конечном итоге выбор избирателей и политическое и социальное развитие общества.

Контингентность выбора и патологии демократии

Одним из важных факторов, подчеркивающих случайность такого политического режима, как демократия, и в том числе самой процедуры выборов, являются так называемые выборные противоречия или патологии выборов. Сами противоречия, указывающие на контингентность представительной демократии, были выявлены довольно давно и с тех пор являются основаниями для ее критики. Суть таких противоречий состоит в том, что результат, который получается после голосования и который должен выражать непосредственный выбор большинства, вовсе не является таковым. Даже самый простейший пример, когда альтернатив больше трех и голосующих больше трех, коллективное решение, которые примет большинство из них, вовсе не гарантирует, что при этом будут учтены предпочтения каждого из них. Развивая данную идею, можно говорить о том, что демократия, обеспечивающая подобное голосование, может приводить к случайным результатам и даже к тирании меньшинства.

Такое противоречие было описано маркизом Кондорсе. Суть его сводилась к тому, что коллективные предпочтения могут быть нетранзитивными даже в том случае, когда предпочтения избирателей таковыми не являются. Эта ситуация парадоксальна, потому

что предпочтения большинства входят в противоречие друг с другом.

Кондорсе построил следующий пример, который наглядно иллюстрирует, что правило простого большинства приводит к противоречиям. Предположим, что имеются три кандидата X , Y и Z , предположим, далее, что предпочтения среди трех голосующих в пользу кандидатов распределяются следующим образом:

Избиратель 1: $X > Y > Z$

Избиратель 2: $Z > X > Y$

Избиратель 3: $Y > Z > X$

Иначе говоря, получается, что для первого избирателя X предпочтительнее, чем Y , а Y предпочтительней, чем Z , и соответственно, X предпочтительнее, чем Z . Для второго же избирателя Z предпочтительней, чем X , а X предпочтительней, чем Y , соответственно Z предпочтительней, нежели Y . Для третьего же в свою очередь в итоге Y предпочтительней, чем X . Таким образом, если считать, что одна альтернатива более предпочтительна для простого большинства, так как она имеет место для двух избирателей, то из вышеприведенных индивидуальных предпочтений мы получаем следующее коллективное:

$$X > Y > Z > X.$$

Другими словами, для большинства X лучше, чем Y , Y лучше, чем Z , а Z в свою очередь лучше, чем X . Таким образом, получается, что невозможно определить конечный результат, нарушается транзитивность, которая обычно рассматривается как неотъемлемое свойство рациональности. В этом случае мы не имеем победителя, что противоречит здравому смыслу. Иначе говоря, процедура голосования не позволяет нам выявить на основе индивидуальных предпочтений коллективное. Итак, возникает вопрос, насколько демократия, основой которой является процедура голосования, зачастую реализованная посредством мажоритарной избирательной системы, отражает желание, выражаемое большинством, и соответственно является представительной?

Парадокс Кондорсе или парадокс голосования, интуитивно понятный на уровне небольшого числа голосующих, побудил исследователей пристальнее рассмотреть данную проблему. И одним из прорывов в этой области считается теорема о возможности для функции общественного благосостояния К. Дж. Эрроу [2004. С. 75–96].

В своей работе Эрроу вышел за рамки предыдущих исследований и рассмотрел проблему посредством переформулирования не конкретных правил организации голосования (как это делалось до него), а условий, которые должны привести к разрешению данного противоречия. Однако в процессе работы, когда ученый попытался описать процедуру голосования, удовлетворяющую этим условиям, он получил неожиданный результат – условия оказались несовместными.

Таким образом, отвлекаясь от математического языка, который Эрроу использовал для описания парадокса голосования и доказательства последующих выводов, можно сказать следующее. Если исключить возможность межличностных сравнений предложенных альтернатив – а сравнивать их просто невозможно, так как каждая из них имеет определенную субъективную ценность для каждого принимающего решение – «тогда единственный удовлетворительный способ перехода от индивидуальных вкусов к коллективным предпочтениям ... будет либо навязанным, либо диктаторским» [Эрроу, 2004. С. 94].

Имея в виду фундаментальность и точность подобного теоретического результата, возникает вопрос: каким же тогда способом проводить демократические выборы? И насколько тогда демократичен процесс принятия избирателями решения, а следовательно, и та власть, которая избирается посредством такой системы голосования? Если обратиться к историческому опыту, то можно проследить некоторую закономерность, когда народ, не обремененный математическими тонкостями, описывающими парадоксальные ситуации голосования, находит практические пути разрешения таких противоречий. На место запутавшихся в демократических свободах представителей власти выходит диктатор, который единоличной властью принимает соответствующие политические решения. Однако возникает вопрос, каким же образом диктатора приводить к власти? Посредством процедуры демократических выборов? Это опять своего рода логическая нелепость. Например, в государствах Средней Азии сегодня налицо процесс, хорошо иллюстрирующий подобные вещи.

Ряд постсоветских режимов после развала СССР имитируют демократическое

развитие, принимая на вооружение демократическую идеологию. Это было обусловлено глобализмом элит, а также технологической необходимостью легитимировать новую власть. Весьма представительным примером подобного рода ситуации является Киргизия. В ноябре 2006 г. президент Киргизии Курманбек Бакиев подписал новую редакцию Конституции страны, существенно ограничивающую полномочия главы государства. Этого требовало оппозиционное движение «За реформы», проводившее бессрочную акцию протеста. В ходе консультаций парламент и президент Киргизии достигли соглашения по тексту нового основного закона страны. Согласно новой Конституции Киргизия стала уже парламентско-президентской республикой, фактически она осталась прежней с преобладающей президентской властью. Для парламента же этой республики ничего нового не произошло, депутаты не будут формировать новое правительство, данное право начнет работать только с 2010 г. Фактически, оставляя президента единоличным правителем. Для изменения существующего положения, а также эффективного функционирования политической системы Киргизии важен не столько факт принятия новой Конституции, сколько возникновение сильных политических партий, так как действовать эффективно парламентская форма правления может только при условии сильных политических партий, которых сейчас в Киргизии просто не существует. Нынешний парламент сформирован по одномандатному принципу. И в нем не представлены политические партии. Это говорит о том, что хотя Киргизия и декларирует поддержку демократических идей, но фактически в стране осуществляется единоличное правление, что существенно влияет не только на политический процесс, но и на формирование политической системы, на голосование как механизм формирования демократии. Причем в данном случае непонятно, хорошо это или плохо для киргизского народа, т. е. для тех, кто выражает свои индивидуальные предпочтения посредством участия в голосовании. Ведь если такие примеры имеют место быть, значит демократия может быть использована в том числе и для прихода к власти диктатора, причем вполне легитимными способами. А если демократия позво-

ляет подобное развитие ситуации, то в чем тогда ее смысл?

Возвращаясь к более глобальным обобщениям, можно констатировать, что даже если результаты выборов не предопределяются манипуляциями, они тем не менее могут оказаться случайными в том смысле, что будь альтернативы, вынесенные на голосование, представлены в другом порядке, чем они действительно были представлены, результат был бы другим. Короче говоря, демократия может привести к правлению большинства, но она может привести также к тирании меньшинства, занимающего стратегически выгодное положение, или же к тирании иррациональной произвольности. Ни один из данных вариантов развития ситуации, скорее всего, не позволяет нам говорить о том, что демократия – есть именно тот режим, который обеспечивает защиту прав индивида как члена демократического общества.

Одним из способов избежать такой ситуации стала система разделения властей, предложенная еще Руссо и нашедшая известное теоретическое завершение в политической философии Дж. Локка, согласно которой желания и амбиции представителей одной ветви власти противостоят другой. Это и независимый суд с полномочиями, позволяющими объявить закон неконституционным; это и президент, выборы которого, а следовательно, и его легитимность в определенной степени независимы от законодательной власти; это и жесткая двухпалатная система, при которой закон должен пройти через обе палаты, а две трети голосов в каждой палате совместно могут преодолеть вето президента; это федеральная система, предполагающая постоянную напряженность в сфере юрисдикции между федеральным правительством и властями территорий.

Можно предположить, что такая система множественных институциональных вето позволяет уравнивать воздействие одних представителей власти на других таким образом, чтобы их действия не ставили под угрозу права индивида и особенно права собственности, как основополагающие при демократическом режиме. Однако данная система не дает нам ответа на вопрос, каким же образом сделать так, чтобы каждое индивидуальное мнение было учтено при коллективном принятии того или иного решения?

При этом необходимо отличать утверждение, что правление большинства приводит к результатам, угрожающим правам индивида, от утверждения, что оно приводит к иррациональным результатам. Действительно, если бы правление большинства было точным суммированием индивидуальных предпочтений, мы могли бы сказать, что это и есть выбор управляемых, права которых таким образом защищены через эту систему правления. Возможно, это имел в виду Руссо, когда сказал, что процедуры принятия решений должны сходить на общей воле, которую он охарактеризовал тем, что надо начать с суммы изъявлений воли частных лиц, отбросить из этих изъявлений воли взаимно уничтожающиеся крайности, и в результате сложения оставшихся получится общая воля [Руссо, 2000. С. 219–224]. Однако именно эту идею общей воли, или по-другому характеризующую как функция общественного блага, Эрроу отвергает как недостижимую и доказывает это.

Впрочем, если демократия все же представляет какую-либо угрозу для прав индивида, то возникает вопрос – по сравнению с чем? Другими словами, чем для простого человека, а в нашем случае избирателя, может закончиться игра в демократические выборы? Ведь, по сути, теорема невозможности Эрроу показывает, что не существует никакого механизма, который бы гарантированно производил рациональное коллективное решение.

Но тогда какова альтернатива и нужна ли она? Если альтернатива в том, чтобы свести к возможному минимуму деятельность исполнительных органов, то она неадекватна. И далее, если говорить о потенциальных институциональных патологиях законодательных органов, нельзя игнорировать такие же патологии тех институтов (например, судов), которые могут сдерживать их действие. Есть все основания полагать, что они ничуть не в лучшем положении, а может быть, еще более беззащитны перед манипуляциями. У демократии могут быть и другие «узкие места», например, ее упование на возможность не случайных результатов принятия решений. Ведь необязательно, что мы должны требовать такого свойства, как транзитивность от коллективно принимаемых решений, даже несмотря на то, что транзитивность может быть свойством рациональности индивида.

Зачастую в политике очень часто складываются такие ситуации, когда решение принимается практически случайно, под влиянием тех или иных обстоятельств. Тем не менее именно в такие моменты важнее, чтобы решение было принято и его сочли на тот момент справедливым, и работа продолжилась, нежели то, что в другой ситуации мог бы получиться другой результат.

И все же, несмотря на то, что демократия не является именно тем политическим режимом, который учитывает в полной мере индивидуальные предпочтения при принимаемом коллективном решении, несмотря на все ее слабости и патологии, общее мнение состоит в том, что при представительной демократии все-таки возможны конкуренция идей, борьба мнений, различных групп за обладание властью. Таким образом, демократия является тем режимом, который обеспечивает возможность изменений, в том числе и в лучшую сторону для индивида. Между тем теоретические модели политических решений никак не согласуются с подобного рода оптимизмом. Задача политической науки состоит, следовательно, в том, чтобы разработать лучшие модели либо признать бессилие теории перед политической практикой, контингентность которой переходит на эту самую политическую теорию. Не случаен в этой связи успех сочинений Р. Рорти, одним из главных лозунгов которого была, помимо контингентности, солидарность. В этом же направлении двигался и Дж. Ролз, который отошел от тезиса об эпистемологическом обосновании политической теории в «Теории справедливости» к принципу консенсуса в последующей своей работе «Политический либерализм». Как солидарность, так и консенсус как принципы политической практики представляют собой откровенную уступку теоретических построений перед практикой политической жизни.

Список литературы

Аристотель Политика / Пер. С. А. Жебелева, М. Л. Гаспарова. М.: АСТ; Транзиткнига, 2005. 393 с.

Боннар А. Греческая цивилизация / Пер. с фр. О. В. Волкова, Е. Н. Елеонской. М.: Искусство, 1995.

Введение в марксистское обществознание / Ф. М. Бурлицкий, А. А. Галкин, Ю. А. Крагин и др. М.: Политиздат, 1989.

Гегель В. В. В. Энциклопедия философских наук / Отв. ред. Е. П. Ситковский. М.: Мысль, 1977. Т. 3. Философия духа.

Крыштановская О. Анатомия политической элиты. М.: Захаров, 2005.

Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре: Трактаты / Пер. с фр. А. Хаютина, В. Алексеева-Попова; послесл. А. Филиппова; коммент. В. Алексеева-Попова, Л. Бордев-

ского. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2000.

Фукидид. История. Л., 1981.

Эрроу К. Дж. Коллективный выбор и индивидуальные ценности: Пер. с англ. / Науч. ред., авт. предисл., послесл. Ф. Т. Алескерова. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004.

Материал поступил в редколлегию 16.07.2007